

прим. 1), это термин, имеющий в данном контексте отношение к институту самоуправления. Кстати, кроме омонимии, нет признаков, указывающих на принадлежность Мхитара к византийским Курткиям, а Саргиса — к Артаваздам.

Среди «аристократов одного поколения» числится Ариев, которого Анна Комнина называет армянином (§ 45). Думаю, что мы имеем дело с армянским именем Арев, «солнце». Р. Ачарян называет восемь носителей этого имени с V по XVII в. Имеется также ряд производных от этого корня¹⁰. В настоящее время употребляемая только как женское имя.

К. Н. Юзбашян

И. Ф. Фихман. Оксиринх — город папирусов. М., 1976, 344 с.

Хорошо известно, что исследование социально-экономической истории ранневизантийского города сопряжено с трудно преодолимыми препятствиями источниковедческого характера. Почти полное отсутствие документальных данных и недостаток других не дают возможности с требуемой научной точностью и доказательностью выяснить некоторые кардинальные проблемы социально-экономической истории города и заставляют решать их часто гипотетически. Оксиринх (нынешний Аль-Бах-наса) — египетский город, который в этом отношении является счастливым исключением из ранневизантийских городов: на его территории сохранились тысячи греческих папирусов (разнообразных по своему содержанию и степени сохранности), которые во многом освещают социально-экономическую жизнь города на разных ее этапах, в том числе и в византийский период (с IV в. до арабского завоевания в VII в.). И хотя эти материалы часто отрывочны и нередко ставят перед исследователями нелегкие вопросы текстологического характера, датировки, истолкования и неравномерно распределяются по векам, они содержат неопенимые сведения о жизни города в византийский период. Публикация материалов, начавшаяся в самом конце прошлого столетия, еще далека от своего завершения, хотя в одной только серии, издаваемой в лондонских «The Oxyrhynchus Papyri», вышло уже 45 томов.

Как отмечает автор рецензируемой книги, Оксиринх был избран им как объект исследования не только потому, что о нем сохранилось наибольшее число документальных данных, главным образом папирусов, но и по ряду других соображений. Одним из них является то, что он «в несравненно большей степени, чем Александрия или Антиноя, может считаться «типичным» египетским городом» (с. 3), т. е. данные, полученные по материалам, сохранившимся об Оксиринхе, могут быть распространены и на многие другие современные ему города Египта. Значение исследования И. Ф. Фихмана возрастает еще по одной причине. Несмотря на множество частных исследований, посвященных обширному кругу вопросов, до сих пор не существовало обобщающего труда по этой теме. Книга И. Ф. Фихмана восполняет эту лауну. Это — глубокое аналитическое исследование, основанное не только на изучении самих документов, но и на исчерпывающем привлечении буквально необозримой литературы предмета, включая специальную литературу самых последних лет, вплоть до 1975 г.

Мы полагаем, что выводы, полученные И. Ф. Фихманом, имеют значение не только для исследования социально-экономической истории египетского города, но и ранневизантийского города вообще. Несмотря на наличие локальных особенностей в отдельных провинциях Византии, по справедливому мнению некоторых современных исследователей правовой жизни византийского Египта, не следует переоценивать этого своеобразия. В Византии существовало единое императорское законодательство, единообразная бюрократическая система управления светского и церковного, которые в значительной мере, вероятно, нивелировали местные особенности, вытекающие из своеобразия исторических судеб отдельных районов империи.

В своем исследовании И. Ф. Фихман представляет на суд читателя всю свою «научную лабораторию», все данные, которые послужили основанием для решения тех или иных вопросов. Он не скрывает ни своих сомнений, ни возможностей различного решения вопросов или иного истолкования используемых им текстов. Эта предельная осторожность автора является большим достоинством книги.

В рамках рецензии мы не имеем возможности, да и не ставим своей задачей осветить и оценить все богатое, насыщенное конкретным фактическим материалом содержание книги. Отметим лишь наиболее, на наш взгляд, существенное.

Книга открывается кратким введением, в котором содержится сведения об истории папирусных и других находок на территории Оксиринха (с. 3—14). Данные о предшествующей истории города, его облике, административном делении, соотношении города с номом (как в римское, так и византийское время) составляют содержание первой главы (с. 14—34). «В римское время Оксиринх был процветающим экономическим и культурным центром с прочными традициями греческой культуры и образованности, занимающим видное место среди египетских городов» (с. 15). Автор отмечает разительную перемену в облике города, связанную с победой христианства. «Еще в конце III в. в городе было только две церкви, то через столетие он превратился в один из крупнейших монашеских центров Египта» (с. 24). В ходе изложения приводятся списки церк-

¹⁰ Ачарян Р. Словарь армянских личных имен. I. Ереван, 1942, с. 272—273. (на арм. яз.).

вей, сделана сводка данных о районах города, упоминаемых в византийское время, улицах и т. п.

Касаясь вопроса о муниципализации Оксиринха при Диоклетиане, автор указывает: «муниципализация привела к тому, что Оксиринх, как и все египетские города, стал настоящим полисом, включающим в себя теперь и территорию нома, которая превратилась в подвластную ему округу» (с. 32).

Во второй главе «Население» обращают на себя внимание соображения автора о примерной численности населения города, определяемой в пределах между 15 и 25 тыс. человек. Ценны также выводы относительно сложного вопроса о судьбах фил в римское и византийское время: 1. филы продолжали существовать в византийское время во всяком случае до конца IV в.; 2. они не совпадали и не могли совпадать с районами города; 3. они были чисто административным нововведением без предшествующей традиции; 4. хотя филы и не участвовали непосредственно в решении городских дел, они оказывали большое влияние на выдвижение литургов.

Третья глава посвящена рассмотрению проблемы аграрных отношений, первоочередной по своей важности при определении социальной и экономической структуры города. В особенности это существенно в данном случае, ввиду аграрной специфики Египта. В главе собраны и детально проанализированы данные топонимики, терминологии, обозначающей различные категории землевладельцев («геух», «ктитор», «проктитор»). Термин γεωργός (широко засвидетельствованный византийским законодательством как эквивалент колона или иногда крестьянина-общинника) по данным оксиринхских папирусов обозначает «как самостоятельного мелкого хозяина, так и городского жителя, быть может не владевшего землей, но для которого земледелие было главным источником существования, т. е. скорее всего свободного держателя» (с. 49). Термин «геух», встречающийся в разных вариантах, «обозначает в византийское время, как правило, не просто землевладельца, а собственника более или менее крупного участка земли или вообще крупного землевладельца» (там же). Некоторые геухи владели землей и в пределах городской территории Оксиринха и в пределах нома. Анализ текстов приводит И. Ф. Фихмана к заключению, что иногда речь идет о земельных собственниках, владевших землей и в других номах. Интересны сведения об арендных договорах и других данных о связях городского населения с сельским хозяйством.

Рассматривая специально вопрос о судьбах государственного землевладения, И. Ф. Фихман отмечает, что «основной особенностью является резкое сокращение площади общественной земли, ее постепенный переход в частную собственность с исчезновением соответствующей терминологии (речь идет о царской, казенной, γῆ δημοσία, и доменной земле, γῆ ὀψιανή). В отличие от государственной земли императорское землевладение в начале рассматриваемого периода даже расширилось и сохранилось вплоть до арабского завоевания (с. 51 сл.). Очень важны высказанные в данном разделе соображения (а также приводимые и анализируемые материалы) для выяснения роли этого землевладения в его соотношении с муниципальным. Отмечая притягательную силу этого привилегированного землевладения, И. Ф. Фихман пишет: «Императорские имения вовлекали в свои дела, включали в свой штат наиболее активную и предприимчивую часть населения города, как, например, курялов, сохранивших, правда, на первых порах обязанности, связанные с принадлежностью к курии, отставных военных. Императорское землевладение не только ограничивало и подрывало таким образом позиции муниципальных кругов, но... быть может, само того не желая, способствовало созданию силы, которая нанесет удар социальной опоре города — муниципальным кругам» (с. 54).

Раздел о городском землевладении содержит ряд ценных данных для изучения судеб античного города в византийский период. И. Ф. Фихман начинает свое изложение с указания, что «особенностью античного города было наличие земельного фонда, принадлежащего ему как целому». Притом «эта городская земельная собственность (ее не следует путать ни с землями, которыми курия владела как корпорация, ни с земельной собственностью жителей города) играла большую роль в обеспечении доходной части бюджета города» (с. 54). Исследователь приходит к выводу, что в изучаемое им время эта городская земельная собственность «катастрофически сокращалась вследствие захвата наиболее могущественными слоями самого городского населения — с одной стороны, и политики императоров, сознательно ограничивавших эту собственность, — с другой. . . Результатом этого был — и не мог не быть — подрыв позиций среднего городского землевладения, ухудшение положения городской бедноты, ослабление самого античного города» (с. 54). Разбирая папирологические данные, И. Ф. Фихман предлагает свое толкование текста P. Flor., III, 325 (488 г.) и, сопоставляя его с P. Oxy., XVI, 1910_{2a}, заключает, что если предложенная им интерпретация текста P. Flor., III, 325 правильна, то это «не только подтверждает наличие земли у курии, но и проливает свет на процесс расхищения этих земель крупными землевладельцами». Отметим также интересное соображение автора, что, хотя юридически земля сохраняла в этом случае свой статус и название куряльной, фактически она переходила в руки состоятельных курялов — крупных землевладельцев. Положение курии, следовательно, несмотря на формальный прирост земель, не улучшалось.

Значительное внимание уделено в книге частному землевладению, так как «результатом ликвидации фонда общественных земель не могло не быть полное господство частного землевладения» (с. 59—60). Конкретные сведения, которыми насыщен этот раздел, значительно обогащают наши знания. Хотя, как отмечено автором, число доку-

ментов византийского времени во многом уступает документации римского периода (33 арендных договора византийского времени против 70 договоров римского времени), их подробное изучение представляет несомненный интерес. В данной связи нам представляется весьма желательным сопоставление сведений этих документов с соответствующими нормами Дигест. Думается, что такое сопоставление (отсутствующее в работе) способствовало бы решению дискуссионного вопроса о применении законоположений Дигест на практике.

Как это вытекает из анализа документов, в развитии аграрных отношений византийского времени доминирующую роль играло не среднее и мелкое землевладение, а крупное — светское и церковное (с. 60—65). Вопрос о светском и церковном землевладении, как известно, неоднократно стоял в центре внимания советских и зарубежных исследований. Однако новые материалы, использованные И. Ф. Фихманом, а также новые интерпретации ранее известных документов (в частности архива «дома Апионов») значительно продвинули вперед изучение этих проблем¹. В исследовании дана более разносторонняя картина структуры крупных имений. В частности, предложенная автором интерпретация слова «*κτῆματιν*» в Р. Оху., 2243 (а)₁₈ и 2244_{39, 65} приводит его к выводу, что там может быть констатирована «зарождение форма некоторой слабо выраженной тенденции к феодальной иерархии» (с. 74).

В некоторых случаях, как нам думается, можно было бы дать наряду с предложенной автором и иную интерпретацию терминов. Так, при анализе крестьянских держаний вряд ли можно ограничиться толкованием термина *τὰ κοινὰ τῶν γεωργῶν* как «объединения держателей» (с. 72). Этот термин употребляется в византийских источниках и в более точном смысле как «община крестьян», или «сельская община». Возможно, что термин *χωρία*, который И. Ф. Фихман толкует как «кусадьбы», основываясь на том, что они «чаще всего обозначают новые посадки», в некоторых случаях имел значение «селения» или «деревни»; Ср. например, в новеллах Юстиниана «*χωρία ἐλευθερικά*» в смысле свободных поселений.

В отношении церковного землевладения анализ материала приводит автора к следующим заключениям: 1. не подлежит сомнению факт наличия в Оксирихе церковного землевладения; 2. главой церкви был епископ, к которому присоединился в качестве распорядителя церковным имуществом иконом и целый штат администраторов; 3. в церковных имениях использовался труд тех же категорий непосредственных производителей, что и в светских; 4. главное отличие между формированием церковных и светских имений проявлялось в способе и источниках формирования и расширения владений. В церковном землевладении наряду с патрониями большую роль играла конфискация земель бывших храмов, пожертвования, дарения *mortis causa*, а также привилегии, предоставляемые церкви государством, способствовавшие росту церковных земель. Что касается неотчуждаемости церковных имуществ, то в Оксирихе она иногда нарушалась. 5. Между светским и церковным землевладением наблюдается тесная связь.

Рассмотренные в этой главе материалы дают автору основание сделать несколько важных заключений. Констатируется факт исчезновения общественного землевладения, как государственного, так и городского (земли города, курии). Общественные земли становятся частной собственностью. Подъем мелкого частного землевладения, имевший место в результате радикальных изменений в III—IV вв., носил временный и непрочный характер. С конца IV в. неуклонно растет крупное землевладение, окончательно конституировавшееся к концу V в. «Хотя оно и не вытеснило мелкое свободное землевладение, . . . оно безусловно представляло собой мощные хозяйственные и социальные комплексы, . . . прямо или косвенно определявшие развитие всей совокупности социально-экономических отношений в городе и округе. Это конечно еще не полностью сложившиеся феодальные отношения, но ряд элементов, характеризующих эти отношения, безусловно, налицо». Отметим, что И. Ф. Фихман справедливо критикует Б. Бечреча, который в статье «Был ли феодализм в византийском Египте?»² пришел к отрицательному решению этого вопроса, исходя из неправильного понимания этого строя. «И исходные позиции, и выводы Б. Бечреча неприемлемы», — пишет И. Ф. Фихман (с. 97, прим. 197).

Аграрный характер города не исключал наличия в нем развитого ремесленного производства. В главе об экономике Оксириха (с. 98—181) прежде всего уделено внимание этой теме, которой И. Ф. Фихман в свое время посвятил книгу «Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV—середине VII в.» (М., 1965).³ В рецензируемой работе учтены новые папирологические публикации и многочисленные исследования последнего десятилетия, а сами вопросы теснее увязаны с социально-экономической жизнью города. Автор прежде всего констатирует, что «известная благоприятная основа для широкого и разностороннего развития ремесленного производства и торговой деятельности сохранилась на протяжении всего существования Оксириха в рассматриваемое время» (с. 99). И. Ф. Фихман отмечает как черту этого города, сближающую его с другими египетскими городами, высокую специализацию

¹ Помимо архива Апионов, в книге И. Ф. Фихмана использованы и другие — архив Фл. Анастасий, архив Евлогия и др.

² *Bachrach B. Was There Feudalism in Byzantine Egypt?* — *The Journal of the American Research Center in Egypt*, 6, 1967, p. 162—166.

³ См. нашу рецензию: ВВ, 30, 1969, с. 247—252.

производства и сочетание работы ремесленника по изготовлению изделий с деятельностью, связанной с их продажей.

Глава содержит детальную характеристику разнообразных видов ремесленного производства и торговли; в ней рассмотрен обширный круг вопросов, которые связаны с изучением каждого из ремесел. Богатство проанализированных материалов трудно оценить в рецензии. На этой основе дается общая характеристика экономики города. На первом месте стоит важнейший вопрос — вопрос о социальном составе ремесленников и торговцев, о соотношении свободного и рабского труда и направлении изменений, происходивших в этом соотношении. К этим вопросам автор снова возвращается в последней (пятой) главе, посвященной характеру социальных отношений в Оксиринхе.

Автор вновь уделил много внимания корпорациям ремесленников и торговцев⁴. В этой связи автором поставлена принципиально важная проблема об отличиях корпораций византийского времени от подобных же объединений — коллегий римского времени, об эволюции, наблюдающейся в корпорациях византийского времени. И. Ф. Фихман приводит следующие результаты своего анализа. 1. Абсолютная численность корпораций возрастает за счет резкого увеличения числа профессиональных корпораций. Исчезают корпорации культового и других типов. 2. Корпорации выступают в роли посредников между государством и их членами, с одной стороны, служа проводниками государственных требований, с другой — защищая в пределах, дозволенных законом (а иногда и в нарушение его) интересы своих членов. 3. Наиболее важные, с точки зрения потребностей государства, корпорации попадают в разряд полностью зависимых корпораций принудительного типа. При сохранении известной видимости демократического устройства корпорации используются для сбора налогов с ее членов, выполнения государственных повинностей. Все это способствовало сосредоточению власти в руках единоличного главы. По данным папирусов Оксиринха; переход от коллективного руководства корпорациями к единоличному отнесен И. Ф. Фихманом к IV в. Новый тип корпораций, зависимых от крупного землевладения, сужал сферу деятельности независимых корпораций и подрывал их социально-политический вес. С развитием таких корпораций, на которые государство могло воздействовать только через геухов, «городская организация вряд ли была способна оказывать настоящее влияние на них» (с. 178).

Аналогии и отличия византийских корпораций Египта при сопоставлении их со средневековыми цехами, по мнению автора, таковы: 1. египетские корпорации, подобно средневековым цехам, практически объединяли всех городских ремесленников и торговцев. Но в отличие от цехов, они не обладали монопольным правом на занятие профессией; 2. как в первых, так и во вторых преобладало мелкое производство с использованием почти исключительно свободного труда, в том числе и наемного, однако в Египте не было четкой цеховой иерархии (ученик — подмастерье — мастер), характерной для средневековых цехов; 3. несомненно и их значение в жизни города, что неудивительно, если учесть ту роль, какую играли в Египте развивающееся крупное землевладение и государственные органы. «Любопытно, что именно в корпорациях, зависимых от крупных землевладельцев, в хозяйстве которых проявились сильнее феодальные черты, более выпукло выступают и некоторые моменты, характерные для средневековых цехов (замкнутость, взаимный контроль и т. д.). В то же время ряд уставных положений и тенденций, ярко проявившийся в средневековых цехах, является дальнейшим развитием особенностей, свойственных позднеримским профессиональным корпорациям» (с. 179). Сходство и различия между объединениями, возникшими на заре средневековья, и средневековыми цехами эпохи развитого феодализма, констатированные автором, представляют значительный интерес при определении общественно-экономической структуры ранневизантийского города. Наблюдения автора опираются на убедительную документацию, подобной которой не располагает ни один из других ранневизантийских городов. Поэтому правильность конечного вывода автора о том, что экономика Оксиринха «во всяком случае в VI в. носит черты несомненно феодализирующего города», не вызывает сомнений.

Последняя глава книги «Социальные отношения» открывается общими замечаниями (с. 182—190). Автор высказывает ряд важных соображений, оценивая значение юридических источников и законодательства при исследовании проблемы социальной стратификации. Он указывает, что юридические источники при всей их важности не могут дать точного представления о сословиях и социальных группах и их соотношении друг с другом. В то же время объективное содержание законоположений «проливает свет как на конкретную социально-экономическую и политическую обстановку, вынуждавшую законодателей. — Е. Л.) принимать те или иные решения, так и на цели, преследуемые правительством, выражавшим и защищавшим интересы всего господствующего класса или тех его группировок, которые в данный момент определяли правительственную политику» (с. 182).

В ходе дальнейшего изложения совершенно основательно первостепенное внимание уделено судьбе рабства и рабовладельческих отношений в Византии. Хотя автор отнюдь не ставит своей задачей в данной книге рассмотрение всего законодательного материала и проблемы в целом, а лишь затрагивает ее в применении к Оксиринху

⁴ О невозможности составить не только полный, но даже приблизительный список корпораций см. с. 158 и сл.

(с. 187), высказанные им мысли представляют и более широкий интерес при изучении вопроса о судьбах рабства в Византии. Следует признать справедливым то соображение, что самого факта сохранения института рабства, подтвержденного как ранне-византийским, так и позднейшим законодательством, «недостаточно для утверждения, что это законодательство рабовладельческого государства» (с. 183). По нашему мнению, И. Ф. Фихман прав, указывая, что при изучении противоречивых тенденций в законодательстве особое значение для решения проблемы социальной структуры общества приобретает анализ нововведений, которые в этот сложный период являются вынужденной уступкой государством рабовладельческих позиций в пользу более перспективной и прогрессивной формы эксплуатации зависимых свободных работников — колоната и в этом смысле особенно показательны.

Документально подтвержденные доказательства падения значения рабства и особенно производственного использования рабов с IV в., приведенные в разделе «Рабы и их значение» (с. 190—208), представляются нам бесспорными. Цифровые данные, полученные в результате изучения около 1200 документов византийского времени (против примерно 1850 — римского), дают основание считать, что «в византийское время рабы (включая вольноотпущенников) составляли около 1/9 числа рабов и вольноотпущенников, засвидетельствованных римской документацией» (с. 196).⁵

Весторонний анализ сохранившихся документов византийского времени (в том числе большого числа хозяйственных записей, распоряжений и т. п.) дает основание автору для утверждения, что «вывод о сокращении численности рабов не следствие случайного состояния нашей документации, а отражение реальной действительности. С большой точностью можно определить и рубеж, когда рабство сдает свои позиции. . . Тенденция к снижению замечается и в III в. (по отношению ко II в. — *Е. Л.*). Но это снижение не идет ни в какое сравнение с резким падением числа рабов (упоминаемых в документах. — *Е. Л.*) в IV в. (123 — II в., 103 — III в., 9 — IV в.)» (с. 197). Автор также указывает «на тот бесспорный факт, что ни один из рабов, упоминаемых в византийской документации, не обладает профессией» (там же). В целом можно заключить, что в византийском Оксирихе полностью исчезают сведения об использовании рабов в городском производстве. Рабство продолжалось, однако, существовать, хотя и не играло важной роли в жизни города. Рабы использовались как обслуживающий персонал состоятельными людьми, преимущественно крупными землевладельцами, представителями администрации и армии (с. 202—203).

В положении свободной части населения города также констатируются серьезные изменения: на смену строго регулируемого деления на жителей, плативших поголовный налог полностью, тех, кто платил 12 драхм в год (так называемых двенадцатидрахмиков) и представителей греческой (эллинизированной) элиты («тех из гимнасия»), приходит новое деление на куриалов и городской плебс, охватывавший по существу все трудовое население города.

С IV в. быстро начинает терять значение сословие куриалов и расти крупное землевладение, в состав которого входили представители местной, провинциальной и даже имперской знати. В то же время меняется и положение низших слоев свободного населения. При формальной свободе и полноправии они прямо или косвенно попадают в зависимость от крупных землевладельцев. Хотя муниципальная организация сохранилась вплоть до арабского времени, это было лишь номинальное существование. «Решающее слово при рассмотрении вопросов, касающихся муниципальной организации, принадлежало с конца V в. крупным землевладельцам» (с. 251). Закljučая свое исследование, И. Ф. Фихман подчеркивает резкое отличие Оксириха в конце византийского периода от Оксириха римского. «Менее разительные в области городской экономики (ремесла, торговля), очень сильные в области аграрных и социальных отношений и в культуре, эти изменения придали городу совершенно иной облик, весьма далекий от того, который обычно ассоциируется с понятием «античный город». Переломным периодом в истории Оксириха следует считать IV — первую половину V в. Дальнейшее развитие было логическим завершением тех глубоких сдвигов, которые произошли в этот период» (там же). Можно высказать сожаление, что полное отсутствие оксирихской греческой документации после арабского завоевания Египта (коптские и арабские папирусы до сих пор не изданы) не дало возможности автору проследить дальнейшее развитие тех социальных явлений, которые он столь убедительно констатировал в византийский период.

Мы рассмотрели далеко не все вопросы, которые поставлены и глубоко проанализированы в капитальном исследовании И. Ф. Фихмана. Подводя итог, мы не можем не присоединиться к той высокой оценке рецензируемого труда, которая была недавно дана ему таким авторитетным египтологом, как академик М. А. Коростовцев: «Перед читателем развертывается яркая и детальная картина феодализации Египта, процесса, не вызывающего никаких сомнений».⁶

В заключение хотелось бы обратить внимание еще на одно достоинство книги — ее прекрасное оформление. Хотя книга по независящим от воли автора причинам подвергалась многократным и весьма существенным сокращениям, приведшим к до-

⁵ Мы привели только некоторые из итоговых цифровых данных. В тексте книги они анализируются детально.

⁶ Коростовцев М. А. Проблемы истории Древнего Востока. — ВИ, 1976, № 1, с. 87.

саднему исключению всех таблиц, ряда разделов, части текста и научного аппарата, к некоторому упрощению библиографических описаний в списке сокращений (опущены подзаголовки монографий и названия публикационных серий; ср. И. Ф. Фихман, «Египет на рубеже двух эпох. . .»), хотя типография не сумела обеспечить полностью безупречный греческий и коптский текст (первый почти целиком заменен латинской транскрипцией), книга издана в соответствии с самыми строгими требованиями, предъявляемыми к научному изданию. Она снабжена полным указателем источников (включая перекрестные отсылки), хорошо продуманным предметным указателем, подробными французским резюме и французским оглавлением. Особенно следует отметить большой раздел «Addenda» (с. 315—331), учитывающий новые данные, ставшие доступными автору уже после того, как книга была набрана, в том числе и неопубликованные к тому времени материалы (с. 325—327). Некоторые из этих дополнений (а они относятся чуть ли не к каждой третьей странице) представляют собой сжатые конспекты статей (см., например, с. 319—321, 325—326). Издательство и, в первую очередь, издательский редактор (тот же, который редактировал первую книгу И. Ф. Фихмана) сделали все от них зависящее, чтобы обеспечить высокое качество издания.

Е. Э. Липшиц

В. Д. Лихачева. Искусство книги. Константинополь. XI век. М., 1976.

Исследование памятников культуры, научное познание того, что сотворил гений человека в течение веков в различных областях своей духовной деятельности не только помогает уяснить путь исторического развития культуры, не только рождает законное чувство гордости, но, главное, способствует открытию новых возможностей для творческих достижений в настоящем и будущем. Поэтому каждое серьезное исследование, которое освещает новые страницы культурного наследия, вызывает заслуженный интерес. К таким исследованиям следует отнести и книгу В. Д. Лихачевой «Искусство книги. Константинополь. XI век», посвященную изучению византийской миниатюрной живописи в один из блестящих периодов ее расцвета.

Книга — важнейшая отрасль культурной деятельности человека; даже в том случае, когда содержание заключенного в ней текста оказывается уже отжившим, книга может сообщить много ценных сведений исторического значения. Сопровождающие текст миниатюры, декоративные элементы, украшающие рукописные страницы, открывают особую сферу художественной деятельности — как в интерпретации содержания текстов средствами изобразительного искусства, так и в искусстве украшения рукописной книги в целом.

Щедро иллюстрированные византийские рукописи в этом отношении представляют особенно интересный и ценный материал, тем более, что византийская миниатюрная живопись, прежде всего в примерах блестящих произведений столицы империи — Константинополя, сыграла как искусство и культура Византии в целом, значительную роль в формировании и развитии искусства христианских стран.

Византийской миниатюрной живописи в советском и зарубежном искусствоведении посвящено немало исследований. И тем не менее ценность книги В. Д. Лихачевой несомненна, так как в ней специально рассматривается в науке до сего времени столь обстоятельно не исследованная деятельность двух знаменитых скрипториев Константинополя — императорского и Студийского монастыря — в период наивысшего расцвета их творческой деятельности. Научное значение книги обуславливает, прежде всего, то обстоятельство, что именно в этих столичных скрипториях создавались высокохудожественные произведения миниатюрной живописи, послужившие для мастеров многих стран христианского мира образцами, которым подражали, но которые стимулировали также развитие местных художественных традиций в каждой из этих стран.

В книге привлечен огромный материал, рассматриваются рукописи собраний Советского Союза, а также хранилищ Иерусалима, Парижа, Ватикана, Лондона и многих других.

Тщательное рассмотрение миниатюр на основе их связи с текстом, а также — с характером и назначением самой рукописи позволили автору выявить художественные особенности миниатюрной живописи двух крупнейших центров рукописной книги Константинополя и определить, с одной стороны, черты, связывающие их с общим процессом византийского искусства в целом, а с другой — сугубо локальные традиции, сформировавшиеся в каждом из этих скрипториев.

Книга состоит из введения, пяти глав и заключения; содержит 183 страницы текста, свыше 50 фотографий (из них 8 цветных). Исчерпывающе приведенная научная литература с соответствующим авторским комментарием, иконографический указатель, указатель рукописей с включением основных их изданий повышают научную ценность работы.

Во введении (с. 5—9) автор определяет характер и значение средневековых книг, византийских в том числе, и сразу же оговаривает, в связи с исследуемой проблемой, необходимость рассматривания миниатюр как органической части рукописной книги в целом. Таким образом, исследовательский подход автора отвечает требованиям не так давно определившейся науки — кодикологии.